
СТАТЬИ. ЗАМЕТКИ. СООБЩЕНИЯ

DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-183-222
УДК 821.161.1

Поэтика дружеских посланий Н.А. Львова

© 2019, К.Ю. Лаппо-Данилевский

Аннотация: Николай Александрович Львов (1753–1803) в последнее десятилетие своей жизни создал тринадцать дружеских посланий, предназначенных для узкой аудитории — для своих близких друзей и родственников, к которым принадлежали такие поэты, как Гавриил Державин, Василий Капнист, Федор Львов, Аполлос Мусин-Пушкин, Иван Муравьев-Апостол. Эта дружеская атмосфера определила поэтику посланий Львова, обратив их в поле для смелых экспериментов. Поэт использовал в своих посланиях различные размеры (большой частью вольные ямбы и хорей; также и пентоны, как в народных песнях), смешивал высокую лексику с разговорными оборотами и диалектизмами, создавал мини-циклы и сочетал «несовместимые» темы. В первой группе посланий доминирует дружеская экспрессия в чистом виде, так что они часто балансируют на грани бессмыслицы. Вторая группа провозглашает идеалы национально окрашенного горацанства и содержит оригинальные описания сельской русской жизни.

Статья также рассматривает жанр дружеских посланий в русской поэзии XVIII в. в целом, его историю и роль в ней таких поэтов, как М.М. Херасков, М.Н. Муравьев, Г.Р. Державин. Особенное внимание уделено поэтике и метрике русской эпистолярной лирики.

Ключевые слова: русская литература XVIII века, анакреонтическая поэзия, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, история русского стиха, поэзия и поэтика, рецепция античности в России

Информация об авторе: Константин Юрьевич Лаппо-Данилевский, д.ф.н., ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: litfact@gmail.com

Цитирование: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Поэтика дружеских посланий Н.А. Львова // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 183–222. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-183-222

1. Дружеское послание в русской литературе XVIII века

Жанр стихотворного послания, введенный в европейскую литературу двумя книгами эпистол Горация, и в силу произвольности его тематики, и в силу допустимости использования в нем различных метров на протяжении его многовековой истории представляет немалые сложности как при выработке его определения, так и при попытках очертить корпус составляющих его произведений. Основной «формальный признак» послания, как его определяет М.Л. Гаспаров и ряд других исследователей, — «наличие обращения к конкретному адресату»¹, — оказывается весьма зыбок: на деле адресат может быть фиктивным или же неназванным и в лучшем случае «вычитываться» из текста. Осложняет дело и то, что указание в заглавии на принадлежность к жанру может делаться по-разному (так, в отечественной традиции XVIII в. это и «эпистола», и «послание», и просто «письмо»); впрочем, подобное указание подчас и вовсе отсутствует, в других же случаях автор ограничивается именем адресата или посвящением. При этом безоговорочно причисление посланий к лирическому роду порой затруднительно, ибо они могут содержать элементы наррации, т. е. это гибридные, лиро-эпические произведения². Послания — это нередко трактаты в стихах, и тогда их уже сложно причислить к художественной литературе.

Подробное рассмотрение разнообразных русских посланий XVII–XVIII вв. (как прозаических, так и поэтических), предпринятое не так давно в работах М.Ю. Люстрова³, позволяет принять за точку отсчета произведения, написанные силлабо-тоническим стихом и сосредоточиться на проблеме генезиса жанра именно *дружеского послания* в русской литературе, чтобы затем обратиться к произведениям, созданным Н.А. Львовым.

¹ Гаспаров М.Л. Послание // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968. Стлб. 905. Ср.: Kemper D. Epistel // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft: Neubearbeitung des Reallexikons der deutschen Literaturgeschichte / Gemeinsam mit H. Fricke, K. Grubmüller, J.-D. Müller hrsg. von K. Weimar. Berlin; New York, 1997. Bd. 1: A–G. S. 473–474.

² Односторонним представляется поэтому следующее определение: «Послание стихотворное — лирический жанр, в котором воплощается ситуация письменного (реже — устного) диалога с условным или реальным адресатом» (Артемова С.Ю. Послание стихотворное // Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / [Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. М., 2008. С. 177–178).

³ Люстров М.Ю. 1) Послание в русской поэзии XVIII века: Истоки и становление жанра: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996 (на правах рукописи); 2) Старинные русские послания (XVII–XVIII век). М., 2000; 3) Послание в русской поэзии XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 407–470; и др.

Количество метатекстов, в которых литераторы XVIII в. поясняли свое понимание жанра посланий и которые оказали непосредственное влияние на его формирование, невелико. Одним из первых, высказался на эту тему В.К. Тредиаковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» (1735). Поначалу пояснив общие особенности письменной коммуникации, Тредиаковский устанавливает общее разделение между эпистолами «простыми» (т.е. прозаическими) и «поэтическими» (т.е. стихотворными). О вторых, впрочем, сказано весьма общо и даны лишь следующие рекомендации к стилю: «Пиитическая эпистола стилем только разнится от простой, для того что в пиитической эпистоле и стиль долженствует быть пиитический, аполлиноватый и весьма с парнасским не разглашающийся»⁴. Тредиаковский вскользь упоминает нескольких предшественников: Горация как автора пиитических эпистол «многих родов», Овидия как сочинителя «эпистолах от героинь» (т.е. героид), Буало как создателя таких эпистол, «что уже лучше его, кажется, написать и нельзя». Все эти размышления — лишь предуведомление к его «панегирической» «Эпистоле от российской поэзии к Аполлину», помещенной здесь же; она написана парно зарифмованными семистопными хореем с предцезурным усечением слога в четвертой стопе.

В «Способе к сложению российских стихов, против выданного в 1735 году исправленном и дополненном» об эпистолярной поэзии говорится более сжато и по существу; намечено четыре вида эпистол соответственно их тематике: «Эпистола изображает все то в стихах пиитическим духом и образом, что пишется в письмах прозою от отсутствующих к отсутствующим. Находятся они дидактические, любовные, нравоучительные и похвальные. Сей род принадлежит к гексаметрам и к строфам. Гораций и Овидий на латинском; а на французском Боало за образец в них служить могут»⁵.

Во второй из «Двух эпистол» Сумарокова, посвященной стихотворству, вскользь дано лишь несколько самых общих рекомендаций, касающихся композиции и слога, из которых можно заключить, пожалуй, только о допустимости различных стилистических регистров в жанре, лишь бы стиль в каждом конкретном случае сообразовался с темой эпистолы:

⁴ Тредиаковский В.К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. СПб., 1735. С. 36.

⁵ Тредиаковский В.К. Сочинения и переводы, как стихами, так и прозою. СПб., 1752. Т. 1. С. 147.

В эпистолы творцы те речи избирают,
 Какие свойственны тому, что составляют,
 И самая в стихах сих главна красота,
 Чтоб был порядок в них и в слоге чистота⁶.

Среди русских посланий 1740–1760-х гг. центральное место несомненно занимают классицистические эпистолы дидактического, сатирического или же панегирического содержания; под влиянием французских образцов они почти всегда писались александрийским стихом. Из этих обычно довольно объемных произведений здесь стоит упомянуть: «Две эпистолы (В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве)» (1747;⁷ также сокр. перераб. версия: «Наставление хотящим быти писателями», 1774) А.П. Сумарокова; «Письмо к ... И.И. Шувалову» (1750), «Письмо о пользе стекла» (1752) и «Его сиятельству милостивому государю графу Григорию Григорьевичу Орлову ... на благополучное возвращение Ея величества из Лифляндии поздравительное письмо...» (1764) М.В. Ломоносова; «Письмо» («Когда я вообразу парнасских муз собор...», 1760), «К сатирической музе» (1760), «Эпистола Господину Н<артову>» (1760), «Эпистола» («Нет ни единого на свете человека...») и др. М.М. Хераскова; «Эпистола» («Сын! Начинаешь ты, мне кажется, мотать...», 1760), «Эпистола» («Разумной тварью мы себя на свете чтим...», 1760) и др. И.Ф. Богдановича; «Письмо» («Родимся, Р<жевский>, с тем, чтоб правды мы искали...», 1760) и «Письмо к господину Р<жевскому>» (1760) С.В. Нарышкина; «Письмо А<лексею> Р<жевскому>» (1761) А.В. Нарышкина; пять «Писем» к А.В. Нарыш-

⁶ Сумароков А.П. Две епистолы. В первой предлагается о русском языке, а во второй о стихотворстве. [СПб., 1748]. С. 17; Люстров М.Ю. Послание в русской поэзии XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. С. 407–470.

⁷ Как справедливо отмечал В.М. Живов, «четкая дихотомия оды и эпистолы разрушается в 60-е годы поэтами Сумароковской школы» (Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 650). Исследователь указывал при этом на такие произведения М.М. Хераскова, как «Эпистола. На день высокаторжественного коронования ее имп<ераторского> величества...» (Свободные часы. 1763. Сент. С. 540–544) и «Эпистола. На день Рождения Его императорского высочества Павла Петровича» (Свободные часы. 1763. Сент. С. 545–547), когда послание брало на себя панегирическую функцию, уготованную торжественным одам. Прибавим к ним также «Епистолу ко всепресветлейшей ... имп<ератрице> Екатерине Алексеевне ... которую в день ... коронования ... приносит ... Михайла Херасков» (М., 1763). Думается, что в данном случае именно метрический аспект, чуждость к которому участников херасковского кружка общеизвестна, стал причиной зачисления этих произведений в разряд эпистол — все они написаны александрийским стихом. О взаимодействии эпистол с другими жанрами см. также: Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации; М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. М., 2003. С. 661–718 (глава «О стихотворном "письме" и смежных жанрах в русской поэзии XVIII века»).

кину (1761–1763) и «Цыдулка ко клеветникам» (1763) А.А. Ржевского; «Эпистола» («К чему, о Муза, днесь меня ты принуждаешь?..») А.Н. Карина (1761); «Послание к слугам моим Шумилу, Ваньке и Петрушке» Д.И. Фонвизина (1769); «Письмо В.И. Бибикову» (1770); «Письмо графу З.Г. Чернышеву» (1770), ««К Гавриилу, архиепископу санктпетербургскому и ревельскому»» (конец 1760-х или нач. 1770-х) В.И. Майкова.

Исследователи справедливо отмечают особый стиль перечисленных выше произведений М.М. Хераскова, А.А. Ржевского, А.В. и С.В. Нарышкиных, в которых нередки дружеские интонации, апелляция к общим воспоминаниям, биографическому фону. Всё же историю русского дружеского послания вряд ли можно начинать именно с них, как это делает Г.А. Давыдов⁸, ибо в целом они вполне дидактичны по содержанию и по большей части посвящены проповеди масонских ценностей; существенно и то, что все они написаны александрийским стихом, т.е. не порывают с формой традиционных классицистических эпистол. Вместе с тем именно в этом кругу возникает стихотворение, которое, на мой взгляд, можно признать первым дружеским посланием в русской литературе, — «К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому>» М.М. Хераскова⁹ («В свирели мы с тобою...», 1769; ЯЗжм; клаузула рег.: жмжм; рифма перекрестн.: жмжм; строфика 4; стихов 40; катрены графически не разделены)¹⁰. В нем на первый план выходит свободное выражение дружеских чувств к биографически конкретному адресату; при этом Херасков отказывается от александрийского стиха в пользу трехстопного ямба с перекрестной рифмовкой — одного из наиболее характерных размеров русской анакреонтики, в это время как раз набиравшей популярность; тем самым он предугадывает метрические метаморфозы жанра, которые тому предстояло пережить в 1790–1800-е гг. (об этом далее).

Как яркий пример поливалентности жанра послания следует упомянуть «Письмо ко приятелю в Москву» (1774) А.П. Сумарокова; приведу его зачин:

Знать хочешь ты, где я в Петрополе живу —
О улице я сей еще не известил я
И разнo для того поднесь ее зову,
А точно то узнать не много я и льстил я.

⁸ Давыдов Г.А. Жанр дружеского послания в поэзии М.М. Хераскова и поэтов его круга // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1997. № 1. С. 92–100.

⁹ Философические оды или песни Михайла Хераскова. [М.], 1769. С. 12–14.

¹⁰ Здесь и далее для характеристики версификационных параметров используется система обозначений, употребляемая в Корпусе поэтических текстов Национального корпуса русского языка.

Но должно знать тебе, писать ко мне куда:
 Туда.
 По окончании его незлобна века,
 Сего живу я в доме человека,
 Которого мне смерть
 Слез токи извлекала,
 И, вспомня коего, нельзя мне их отерть.
 Ты знаешь то, чья смерть
 В Москве сразить меня ударом сим алкала.
 Владеет домом сим его любезный брат,
 Толико ж, как и он, не зол и добронравен¹¹.

Крайне сложно, за неимением каких-либо других сведений, однозначно решить, имеем мы дело с дружеским посланием к конкретному лицу, которое не было названо, когда Сумароков решился его напечатать, или же это обращение было изначально фиктивно. В любом случае, как справедливо указал П.Н. Берков, комментируя «Письмо»¹², Сумароков задавал читателям загадку: они должны были угадать, что он остановился в Петербурге в Аничковом дворце у К.Г. Разумовского, брата его покровителя А.Г. Разумовского, умершего в 1771 г. «Письмо ко приятелю в Москву» важно в нескольких отношениях: в нем отчетливо различимы дружеские разговорные интонации; содержание его сугубо партикулярно; написано оно вольными ямбами, открывавшими для жанра новые перспективы¹³.

II. Послания М.Н. Муравьева 1770-х — нач. 1780-х гг. и их значение для истории жанра

В течение довольно продолжительного времени ряд исследователей датировал появление дружеских посланий в русской поэзии концом 1770-х гг. и связывал первое из них с именем М.Н. Муравьева¹⁴. При

¹¹ Сумароков А.П. Письмо ко приятелю в Москву. [СПб., 1774]. С. 1–2.

¹² Сумароков А.П. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П.Н. Беркова. Л., 1957. С. 564.

¹³ Вольными ямбами («с опорой» на наиболее частотные в них шестистопные) написано и несколько других поздних посланий Сумарокова, которые, впрочем, вряд ли можно отнести к дружеским: незавершенное «Письмо ко князю Александру Михайловичу Голицыну, сыну князя Михаила Васильевича» (после 1769) и «Письмо к девицам г. Нелидовой и г. Барщовой» (1774).

¹⁴ Лазарчук Р.М. К проблеме генезиса жанра дружеского послания в русской поэзии XVIII века: тезисы // XXVI Герценовские чтения. Литературоведение: Сб. науч. докладов. Л., 1973. С. 11–16; Люстров М.Ю. Послание в русской поэзии XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. С. 407–470; Пастушенко Л. Становление жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века (М.Н. Муравьев, Н.М. Карамзин) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 78–86;

этом большинство его произведений этого жанра было опубликовано лишь посмертно, а в 1770-е — нач. 1780-х он напечатал четыре вполне традиционные эпистолы, написанные александрийским стихом: «Письмо к А.М. Брянчанинову на смерть супруги его Елисаветы Павловны», «Эпистола к Н.Р.Р***», «Учение природы. Письмо к В.В. Ханькову», «Письмо к ***»¹⁵. Еще три, частью незавершенные, были опубликованы уже посмертно — «Эпистола. К его превосходительству И.П. Тургеневу» (1774), «Опыт о стихотворстве» (1770-е), «Письмо к Феоне» (1781).

Р.М. Лазарчук, стремясь охарактеризовать сущность дружеского послания и его генезис, избрала исходным пунктом своих размышлений теоретические соображения А.Ф. Мерзлякова, представив, впрочем, ход его мысли крайне бегло. Не давая определения дружескому посланию как жанру, она подчеркнула значение для его формирования таких «основных конструктивных особенностей письма», как «мозаичность структуры, раскованность и свобода, непреднамеренность переходов от одной темы к другой, перебои в развитии темы, недоговоренность, намеки и “домашняя” семантика», установка на непринужденный разговор и «необыкновенно острое ощущение адресата». Все же один из основных выводов исследовательницы вызывает несогласие: «Муравьев превратил свое частное письмо в явление литературы, он же создал и первые образцы дружеского послания в России»¹⁶. Первую часть этого суждения невозможно принять без пояснения о том, что понимается под «явлением литературы», да и вообще под литературой; вторую — если учесть, что яркий образец дружеского послания имеется уже у М.М. Хераскова (упомянутое выше стихотворение К А<лексею> А<ндреевичу> Р<жевскому>», 1769).

Обратимся вслед за Лазарчук к «Краткому начертанию теории изящной словесности» Мерзлякова, важному опыту осмысления жанровых изменений, произошедших в русской литературе в конце XVIII — нач. XIX вв., и в то же время свидетельству современника происходивших в ней процессов. Избирая способ повествования в качестве основного критерия выделения родов литературы, Мерзляков говорит о двух «раз-

Грехнев В.А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения. Горький, 1978. С. 32–48.

¹⁵ Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михаила Муравьева 1775 года. СПб., 1775. С. 29–30; Опыт трудов Вольного российского собрания при императорском Московском университете. М., 1778. Ч. 4. С. 292–295; Учение природы. Письмо к В.В. Ханькову // Утренний свет. 1780. Ч. 9. С. 236–238; Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 1. С. 157–159.

¹⁶ *Лазарчук Р.М.* К проблеме генезиса жанра дружеского послания в русской поэзии XVIII века: тезисы. С. 11–15.

рядах» — эпическом и драматическом¹⁷. К первому из них, обращая внимание и на близкородственные явления в современной ему литературе, поэт-теоретик причисляет «эпистолу»:

Поэтическая эпистола, по содержанию своему, подходит близко и к сатире, и к поучительному стихотворению; различается от них свободою и легкостью своего изложения. Впрочем, есть стихотворные письма, которые не имеют ни дидактического, ни сатирического содержания; в них представляются только или предметы и случаи, встречающиеся в жизни, или нежное приятное излияние мыслей и чувствований¹⁸.

Для «стихотворных писем» (т.е. как раз для интересующих нас посланий), отмечает Мерзляков, новейшие русские литераторы «избирают стихи неравной меры или четверостопные ямбы», в то время как в римской литературе использовались гекзаметры или элегические дистихи, во французской — александрийские стихи, в английской — десятистопные рифмованные ямбы¹⁹. Из того, что лучшими среди сочинителей посланий Мерзляков называет «Муравьева, Жуковского, Батюшкова, Вяземского, Воейкова», нетрудно заключить, что в свете новейших достижений в этом жанре более ранние русские эпистолы для него эстетически неактуальны. Но то, что уже утвердилось в литературе начала XIX в., в 1770–1780-е гг. лишь пролагало себе дорогу. Видимо, именно поэтому Муравьев не печатал своих посланий, написанных четырехстопными, пятистопными или же вольными ямбами: «К Феоне» (1778 или 1779; обращено к сестре Ф.Н. Муравьевой, в замужестве Луниной), «Успех твой первый возвещая...» (1779; обращено к Д.И. Хвостову); «Итак, опять убежище готово...» (1780; обращено к Ф.Н. Муравьевой), «К И.Ф. Богдановичу» (1782), «Послание о легком стихотворении. К А.М. Бр<янчанинову» (1783).

Справедливости ради стоит отметить, что метрический репертуар посланий М.Н. Муравьева не исчерпывается четырехстопными, пятистопными и вольными ямбами. Так, одно из немногих опубликованных

¹⁷ «Те роды, в которых стихотворец сам говорит, рассказывает, живописует, учит, обличает, или вообще выражает свои чувствования, называются эпическими или повествовательными, а те, в которых заставляет он говорить и действовать другие лица, именуются драматическими» (*Мерзляков А.Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности. М., 1822. Ч. I. С. 96).

¹⁸ *Мерзляков А.Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности. С. 168. Ср. также суждения другого авторитетного теоретика этого времени о том, что в эпистоле «все роды смешиваются вместе» (*Остолопов Н.Ф.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. Ч. I. С. 401).

¹⁹ *Мерзляков А.Ф.* Краткое начертание теории изящной словесности. Ч. I. С. 169.

при жизни поэта дружеских посланий «К А.М. Брянчанинову» («Сколько крат ни вспоминаю...», 1775; Х4жм; клаузула рег.: жмжмжжмжжм; рифма сложн.: абабввггдд; строфика 10; стихов 50)²⁰, состоящее из пяти десятистрочных одических строф, написано четырехстопным хореем; та же строфа и тот же размер применены в оставшемся в рукописи «Прискорбии стихотворца К*** в 1777 году» (1777; обращено к Н.А. Львову). Трехстопными ямбами с перекрестной рифмовкой — форма, утвердившаяся в первую очередь в анакреонтике XVIII в., — написано послание «К его превосходительству Алексею Васильевичу Нарышкину» (ЯЗжм; клаузула рег.: жмжм; рифма прекрест.: абаб; строфика 4; стихов 48). Образцы более сложных строф находим в «Твоею возбужден хвалою...» (1775; обращено к И.А. Дмитревскому; Ябж+ЯЗм; клаузула рег.: жмжм; рифма перекрестн.: абаб; строфика 4; стихов 32), «К Хемницеру» (1776; Ябжж+ЯЗм; клаузула рег.: жмжжжм; рифма сложн.: аабвбб; строфика 4; стихов 48).

Особняком среди посланий Муравьева этого времени стоит «Успех британской музы. К В.П. Петрову» (1778; Ябмж+ЯЗм; клаузула рег.: мжмжмм; рифма сложн.: абабвв; строфика 6; стихов 36). Дидактическое содержание (восхищение английской поэзией и размышления о выдающихся ее творцах) и отсутствие близких дружеских отношений сближает его, скорее, с эпистолами; при этом в нем применена строфа усложненной структуры. В то же время вычитывающееся из текста дарение собственных сочинений Петрову (воображаемое или же имевшее место в действительности?) может стать аргументом в пользу рассмотрения этого стихотворения и в ряду посвящений.

Сделанный экскурс важен потому, что послания Муравьева запечатлели общие тенденции модификации жанра в 1770-е гг., во многом предвосхитив его дальнейшие изменения, и потому, что во второй половине этого десятилетия он был хорошо знаком почти со всеми участниками львовско-державинского кружка, хотя и не принадлежал к его ядру. В то же время Львов занимал центральное положение в этом творческом содружестве, что необходимо учитывать при анализе его дружеских посланий, впервые рассмотренным также Лазарчук²¹, в силу чего здесь стоит вкратце изложить точку зрения исследовательницы на них. Резонно возражая против объяснения особенностей художественной манеры поэта «отсутствием большого таланта» (Я.К. Грот, Н. Строев), исследовательница не только соглашается с З.В. Артамоновой в том, что

²⁰ Оды лейб-гвардии Измайловского полку сержанта Михаила Муравьева 1775 года. СПб., 1775. С. 4–6.

²¹ Лазарчук Р.М. Послание Н.А. Львова и его роль в литературной борьбе 1790-х — 1800-х гг. // Филологический сборник. Статьи и исследования: Уч. зап. ЛГПИ им А.И. Герцена. 1970. Т. 460. С. 29–45.

Львов — «интереснейший и своеобразнейший поэт» и что он намеренно избрал «позу дилетанта», но и поясняет, почему: послания Львова были «одной из форм литературной борьбы» против сентиментализма²². В соответствии с этим «основными принципами» его посланий признаются «снижение поэтического, пародийность, трагести»²³.

Если с наблюдением Р.М. Лазарчук о том, что дружеские письма Львова сыграли важную роль при формировании поэтики его посланий, трудно не согласиться, то другие ее утверждения не могут не вызвать серьезных возражений. Так, исследовательница полагает, что «Львов завел процесс со всюю литературою сентиментализма, и прежде всего с Карамзиным», что в стихотворениях 1790-х гг., обращенных к друзьям, поэт пародировал Ф.П. Львова, И.И. Дмитриева и даже В.А. Жуковского²⁴. В то же время Лазарчук не приводит сколько-либо убедительных примеров пародирования Львовым сочинений этих поэтов, ограничиваясь общими заявлениями, которым противоречит и благожелательное отношение Н.А. Львова к Н.М. Карамзину, в чьих журналах он печатался вместе со своим кузеном Ф.П. Львовым²⁵. То, что материал для полемических доводов нередко черпается Лазарчук из «Ботанического путешествия на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня» Н.А. Львова, вряд ли допустимо, ибо это в основе своей эпическое, хотя и написанное в эпистолярной форме, произведение дружеским посланием отнюдь не является.

III. Послания Н.А. Львова 1790-х — нач. 1800-х гг.

Но обратимся наконец к одиннадцати дружеским посланиям Львова. Они насчитывают в общей сложности 932 стиха и в количественном отношении составляют наиболее обширную часть его поэтического наследия. Все они созданы в течение последних тринадцати лет жизни поэта, начиная с 1790 г. Они обращены к следующим современникам

²² В другой своей работе исследовательница прямо называет Львова «полюемистом в маске дилетанта» (*Лазарчук Р.М.* Дружеское письмо. С. 17).

²³ *Лазарчук Р.М.* Послание Н.А. Львова и его роль в литературной борьбе 1790-х — 1800-х гг. С. 34.

²⁴ Там же. С. 38, 35, 39.

²⁵ См. подробнее: *Ланно-Данилевский К.Ю.* Поэт Александр Слепецкой. Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796) // *Литературный факт.* 2017. № 3. С. 211. Ценность наблюдений исследовательницы снижает тот факт, что одно из стихотворных посланий Ф.П. Львова приписано ею Н.А. Львову (об этом: *Агамаян Л.Г.* Н.А. Львов — А.Н. Оленину: послания в прозе и стихах // *Гений вкуса: Н.А. Львов. Материалы и исследования* / Науч. ред. М.В. Строганов. Сб. 3. Тверь, 2003. С. 207, 213).

и позволяют с большей или меньшей степенью полноты представить глубину и характер отношений поэта с ними²⁶:

1) к В. В. Капнисту обращено послание «И я тебе, уроду...»²⁷, возникшее в связи с полемикой вокруг оды Державина «Изображение Фелицы» (17 января 1790; Х2,Х4,Я2,Я3ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 28; стихи 1 и 22 ямбические);

2–3) Г.Р. Державину адресовано два стихотворения: «Гав<риле> Романовичу ответ» («Домашний зодчий ваш...», 1792; Х1м,Я1,Я2,Я3,Я4,Я6ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 52; стих 4 односложный; ИС, 61–62) и «Державину» («О друг отечества и мой...», нач. 1790-х; Я4ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 47; стих 2: Я3м; ИС, 64–65);

4) о популярности посланий и других стихов в среде ближайших родственников поэта можно составить мнение по «Горячке», обращенной к Е.М. и А.Н. Олениным («Двадцать градусов морозу...», 29 ноября 1793; Х4ж,м # Я3,Я4,Я6,Я8ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 49: 37 # 12; полиметрия; ИС, 62–63);

5) послание «Его сиятельству графу Александру Андр<еевичу> Безбородке» («С тех пор парнасские уроды...», 1795; Я3,Я4,Я6ж,м; клаузула вольн., ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 25; ИС, 81);

6–8) наиболее «объемен» поэтический диалог с А.М. Бакуниным; его составляют:

«Отрывок из письма к А.М. Б<акунину>, который к сочинителю прислал из деревни стихи на зависть, на скуку, на воображение, на праздность» («...И лист еще не распустился...», 1796²⁸; Я2,Я3,Я4,Я6ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 69; ИС, 65–66);

двухчастная «Эпистола к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797»: часть I: «Фортуна» («Слепой очима, духом зрячий...»; Я2,Я3,Я4,Я5,Я6ж,м; клаузула вольн. ж, м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 166; ИС, 69–73); часть II: «Счастье и Фортуна» («Когда-то

²⁶ Большинство посланий поэта цитируется далее с указанием в круглых скобках страницы после аббревиатуры ИС по следующему изданию: *Львов Н.А. Избранные сочинения / Предисл. Д.С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитектурных работ Н.А. Львова подгот. А.В. Татаринным. Кельн; Веймар; Вена; СПб., 1994.*

²⁷ Впервые: XVIII век. Сб. 26. СПб., 2011. С. 219–220.

²⁸ Единственное из посланий Львова, напечатанное при его жизни (Муза. 1796. Ч. II. Июнь. С. 193–195, без подп; атрибутировано З.В. Гуковской в 1933 г.). При этом несомненно сыграло роль близкое знакомство Львова с издателем журнала И.И. Мартыновым, поэтому в данном случае может вестись речь о вторжении «литературы домашней» на страницы печатного органа.

с Счастьем жить Фортуна согласилась...»; Я1,Я2,Я3,Я4,Я5,Я6ж,м; вольн. ж, м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 57; ИС, 73–75);

«Три “Нет”, у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А.М. <Бакунину> 1801 октября 1-го» («Слуга твой хвилой Львов...», 1801; Я1,Я2,Я3,Я4,Я5,Я6ж,мХ1м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 127; стихи 15 и 30 одноложные; между стихами 107 и 108 прозаическая строка; ИС, 77–80);

9) откликом на отъезд друга, вызванный дипломатическим назначением, стало послание «Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Етин министром, в ответ на письмо его из Москвы от 15 января 1797» («Пусть крутят в крючки темно-русые...» 1797; Х2д~Х2д # Я1,Я2,Я3,Я4,Я6ж,м; клаузула д # вольн. ж,м; стихов 96: 81 # 15; пентон, вольн. графич. строфика; полиметрия; ИС, 67–69)²⁹;

10–11) по-видимому, посланий, обращенных к А.А. Мусину-Пушкину, было больше двух, дошедших до нас: «Помилуй, граф...» (1790-е или нач. 1800-х; Я2,Я3,Я4ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 21; ИС, 76) и «Графу Аполлосу Аполлосовичу М<усину>-Пушкину от меня неименитого обычное челобитье 20 августа 1801 года, С. Петербург» («Пронесся к нам петуший глас...», 1801³⁰; Я1,2,3,4,6ж,мХ2жАн2д # Я1,2,4,6ж,мХ2,4,7ж,м; клаузула вольн. ж,м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 142: 55 # 87; первая часть, стихи 1–55, преимущественно вольные ямбы с вкраплением следующих двух иноразмерных стихов — стих 46: Х2ж; стих 54: Ан2д; во второй части стихи 56–126 — хорейческие³¹, также с отдельными ямбами, а стихи 127–142 — ямбические)³²;

12) в стихах написано приглашение посетить его, обращенное Львовым к художнику А.Е. Егорову, «Иже во благих тому же отцу Егорову»

²⁹ Послание в рукописи замыкают двенадцать итальянских стихов, которые в данном подсчете мною не учитываются (опubl.: Гений вкуса. Сб. 3. Тверь, 2003. С. 97–98; здесь же перевод А.О. Демина на русский язык). После них имеется прозаическая приписка: «А после того мне и титул графа Никольского. Аминь» (РНБ. Ф. 247. Ед. хр. 37. Л. 4 об.; ИС, 399).

³⁰ Впервые частично в статье: *Артамонова З. [Гуковская З.В.]* Неизданные стихи Н.А. Львова // Литературное наследство. Кн. 9/10. М.; Л., 1933. С. 273–274. Полностью напечатано Р.А. Бакировым в кн.: Михаил Муравьев и его время: Сб. статей и материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2015. С. 5–8. Единственное выявленное к настоящему времени ответное послание А.А. Мусина-Пушкина к Н.А. Львову, «Вы слышали, я чай, что еду я в Кавказ...» (1799), впервые опубликовано в статье: *Ланно-Данилевский К.Ю.* Литературные досуги графа А.А. Мусина-Пушкина // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н.Д. Кочетковой. М.; СПб., 2018. С. 194–213.

³¹ Из них стихи 88–105 — четырехстопные хорей с вольной рифмовкой.

³² Стихи 127–142 — четырехстопные ямбы с вольной рифмовкой; лишь стих 140 — ямб трехстопный.

(«С другого света я пришел на костылях...»), нач. 1800-х; ЯЗ, Я4, Я6ж, м; клаузула вольн. ж, м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 18; ИС, 76–77);

13) неясен адресат лишь одного послания, «Любезный друг! нас сани...» (1790-е или нач. 1800-х; Я1, Я2, Я3, Я4, Я5, Я6ж, м; клаузула вольн. ж, м; рифма вольн.; строфика 0; стихов 35; стих 2: Х5; ИС, 75–76).

Как уже сказано выше, главной характерной чертой именно дружеского послания следует вполне логичным образом признать *установку на выражение дружеских чувств*, что предполагает и широкий разброс тем, и разнообразие художественных средств. Поводы к их созданию несопоставимы по значимости — это и пустяки (например, отсутствие дома одного из приятелей Львова), и осмысление опыта крайне тяжелой болезни (длилась с сентября 1800 по апрель 1801 г.), которая побудила его из иной перспективы задуматься о смысле жизни, об итогах пройденного земного пути.

Конечно же, личность адресата и характер сложившихся с ним отношений, конкретные жизненные обстоятельства оказывали значительное влияние на выбор тематики посланий Львова. Неизменно дружеским при этом был тон, предполагавший определенное духовное сродство и дружественность отношений, позволявшие Львову игнорировать различия в общественном положении и возрасте и обратиться как к равному и к художнику А.Е. Егорову, находившемуся под его началом, и к А.А. Безбородко, бывшему в течение многих лет покровителем поэта.

Важное свойство литературных произведений Львова — их *приватная окказиональность*. Толчок к возникновению каждого из них давало определенное событие частной жизни автора или его близких друзей: сообщение Капнисту о рождении сына у Е.М. и А.Н. Олениных («Горячка»), получение писем и посланий от Г.Р. Державина и А.М. Бакунина, отъезд И.М. Муравьева за границу, а А.А. Мусина-Пушкина на Кавказ, отсутствие дома приятеля-графа, желание увидеться с А.Е. Егоровым, плачевное состояние дорог около Рязани, препятствующее дальнейшему путешествию, и проч. Реальные события и ситуации, становясь импульсами к сочинительству, будят творческую фантазию поэта, уводящую его в мир вымысла и побуждающую разворачивать перед читателем фикциональные картины, нередко впечатляющие своей масштабностью. В этом отличие посланий Львова от его дружеских литературных писем, в которых мир фактуальный, по большей части доминируя, соседствует с миром фикциональным, а некоторое реальное, вполне прозаическое сообщение лишь дополнено стихотворными пассажами, призванными «разрядить» ситуацию, выразить дружеские чувства и проч. Внешняя коммуникация, доминирующая в письмах, в посланиях уступает свою

роль внутренней «сообщенной коммуникации», а реальный адресант — посредствующей инстанции, повествователю, охотно надевающему разнообразные маски³³.

При этом послания Львова и его дружеские письма многое роднит. В первую очередь это усиленность в тех и в других экспрессивной и фатической функции, в силу чего выражение эмоций, а также установление и поддержание дружеского контакта нередко играют бóльшую роль, чем собственно сообщаемое. Послания должны производить *впечатление максимальной искренности и спонтанности*, тщательность литературной отделки им противопоказана, что в значительной степени определяет их поэтику и структурно-композиционные особенности.

Один из важнейших ключей к пониманию поэтики львовских посланий — *учет их потенциальной аудитории*, ибо всё художественное наследие Львова распадается на две группы произведений: анонимно опубликованные при жизни и те, что имели хождение в кругу его родственников и друзей. Эти последние (а среди них послания особенно многочисленны), со всей очевидностью, не соответствовали господствующим представлениям эпохи о литературности; в то же время у них была своя, сознательно суженная аудитория, охотно их читавшая. В «Горячке», послании к Е.М. и А.Н. Лениным, Львов оставил свидетельство о популярности этих «домашних стихков» у его друзей и родных (их явно не смущало отсутствие тщательной литературной отделки) и о том, что они порой «заказывались» автору:

Когда я был здоров,
Ты, Лизанька, меня просила
Прислать тебе смешных стихков <...>
(ИС, 63)

Установка на создание впечатления спонтанности написания посланий дает о себе знать и *в значительных колебаниях объема посланий*³⁴, и *в непредсказуемости их композиции* — то предельно усложненной,

³³ См. в связи с этим подробнее: *Лаппо-Данилевский К.Ю.* Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. Сб. 27. СПб., 2013. С. 121–153. При анализе дружеских писем и посланий мы опираемся на учение о шести функциях речевой коммуникации, сформулированное в статье Р.О. Яковсона «Поэтика и лингвистика» (1960), и размышления Д. Яника о коммуникативной структуре повествовательных произведений (*Janik D.* *Literatursemiotik als Methode: Die Kommunikationsstruktur des Erzählwerks und der Zeichenwert literarischer Strukturen.* Tübingen, 1985. S. 9–74).

³⁴ В вышеперечисленных произведениях Львова число стихов колеблется от 18 в послании А.Е. Егорову до 235 в двухчастной «Эпистоле к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797».

полиструктурной, то крайне простой. Она может проявляться и интра-, и экстратекстуально, т.е. при образовании *разножанровых композитов*: так, послание «Его сиятельству графу Александру Андреевичу» Безбородке» неотторжимо от следующей за ней пародии на сервильные оды, а вторая часть «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797», басня «Счастье и Фортуна», иллюстрирует (абстрактно, в повествовательной форме) размышления первой части «Эпистолы».

Разрастание объемов ряда посланий Львова приводит, с одной стороны, к их сближению с эпосом (и в плане тематики, в связи с постановкой общих вопросов личного и национального существования, и в плане введения в них нарративов)³⁵, с другой, побуждает Львова использовать широкий арсенал художественных приемов и средств, чтобы удержать внимание читателя, ибо основная тематика большинства посланий Львова — философско-этическая (об этом подробнее ниже), а она способна наскучить читателю скорее всего.

По тем же причинам *диалогизм*, одно из наиболее типичных, «врожденных» свойств посланий, оказывается интенсифицирован Львовым. Его послания полны откликов на события различного масштаба, цитат, аллюзий (отнюдь не всегда ясных) на суждения друзей и вообще современников, интертекстуальных отсылок большей или меньшей явности к художественным произведениям³⁶. Весьма органичны и многочисленны пародийные пассажи в посланиях Львова; приведу лишь один пример — начальные десять стихов первой части «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797», имеющих, как верно отметил А.М. Виноградов, структуру одической строфы³⁷:

Слепой очима, духом зрячий,
Любитель сельской красоты,
Друг истине и мне горячий,
Зачем меня опрыснул ты
Кастальской чистою водою,
Идущего мечты тропюю
Лишаешь нужной слепоты,

³⁵ Это и интра- и экстратекстуальное введение нарративных пассажей, и объединение разноприродных частей в составных посланиях. Так, вторая часть «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797» — басня, т.е. произведение эпическое, а не лирическое.

³⁶ В том числе и к произведениям самого Львова. См., например, отсылку к «Ямщикам на подставе» в стихе 18 послания «Любезный друг! нас сани...»: «Везде ямские на подставе» (ИС, 75).

³⁷ Виноградов А.М. Проблема нравственного идеала предромантизма в диалогическом цикле Н.А. Львова «Фортуна» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вопросы метода и стиля. Вып. 6. Л., 1984. С. 62.

В которой леший слух прельщает,
 Червяк дорогу освещает
 До самой поприща меты?
 (ИС, 69).

Патетические интонации и строфометрические особенности роднят это десятистишие с похвальными одами, с высоким стилем которых диссонируют такие лексемы, как «леший» и «червяк». Из последующих строк становится ясно, что Бакунин, опрыснув друга кастальской влагой³⁸, открыл автору, что движение его по «тропе мечты» было отнюдь не прямым и устремленным ввысь (т.е. восхождением на Парнас; как известно, это один из основных одических топосов), но блужданием ослепленного Фортуной — «долом и горой», «в чаду, в тумане». Дальнейшие сатирические картины изменчивости Фортуны и погони за ней, чреватой внезапным падением, несомненно отсылают к знаменитой оде Г.Р. Державина «На счастье» (1789); в строфоидах, следующих за первым десятистишием, Львов, сохраняя метр (одический четырехстопный ямб), вводит вольную рифмовку, чтобы затем, сменив тему, живописать картины сельской идиллии в Никольском, тверском поместье Львовых, вольными ямбами (стих 68 и далее).

Несмотря на крайнюю пестроту и несхожесть посланий Львова между собой, есть и нечто, что их объединяет: это *автобиографический лирический герой*, через призму речи и зрения которого мы воспринимаем изображаемый мир посланий как целостность и единство. Этот мир вполне соотнобразуется с христианскими представлениями, а для его постижения ключевым оказывается послание «Три “Нет”», у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А.М. <Бакунину> 1801 октября 1-го³⁹, в котором поэтом осмысляется отсрочка смерти и грядущая неминуемая «чистая отставка». Поводом к его написанию стало посещение обширного земельного участка в устье Яузы, 27 апреля 1797 года дарованного Павлом I канцлеру А.А. Безбородко. На нем предполагалось строительство московского дворца Безбородко (проект Д. Кваренги) и создание сада и парковых павильонов (проект Львова); начатые работы прервала внезапная смерть вельможи 6 апреля 1799 г., бывшего в течение многих лет покровителем поэта.

³⁸ Из стихотворения выясняется, что «кастальская» влага зачерпнута из Тальджи, речки в имении Бакунина.

³⁹ В названии упоминается несохранившаяся барочная Церковь Николая Чудотворца (освящена в 1693 г., разрушена в 1931 г.) в устье Яузы в селе Воробине, названном в честь стрелецкого головы Данилы Воробина. Нынешнее местоположение в Москве на улице Воронцово Поле.

Идея вечной жизни, посмертного воссоединения с Христом воплощена в этом стихотворении оригинально и ярко. Из него вычитывается *религиозная этика Львова*, этика деятельной жизни и любви — любви, которая в ином мире будет продолжена «в век века». Земной путь оканчивается, когда силы, отпущенные свыше и употребленные во благо ближних, исчерпаны, т.е. и предназначение исполнено. Горизонтальное движение тогда сменяется вертикальным — воспарением, в финале которого должно состояться воссоединение с Христом. Это слияние с Богом для Львова — событие веселое, отнюдь не смиренное, а живое и деятельное, имеющее мало общего с расхожими о том представлениями его православных единомышленников. Под стать ему и смелая метафора, избираемая Львовым, — он уподобляет свою душу пряной булочке-витушке, которая должна прийти по вкусу там, наверху:

А там, как делом надорвуся,
Устану.. вдоволь налюблюся,
Поставлю жизни я чертой:
«Как скучно будет мне и дома,
Тогда мне этот свет худой».
Постой,
Дорога и в другой
Знакома.
Вечернею порой
Я в путь расположуся,
Сберусь и с силой и с умом,
Да к командиру всех челом
И в чистую отсель отставку попрошу
Потом
Раненько пробудяся,
Оденусь налегке и, Богу помоляся,
С любимыми прошусь
И только что с одной
Женой
Не разлучусь,
Но узел проглочу сердечной...
«Ребятюшки, и здесь уж не гожусь!» —
Скажу, да сам и ушлетусь,
Встряхнуся, встрепещусь,
К Любви превыспренней и вечной
На крыльях радостных взвьюсь
И, легок тем, что не боюсь,
Повыше, чем летал, пушусь,

С талантом повидаться
Для слабых ног коса! для головы обух!
(ИЗ, 76–77).

Ирония (как и *авторская самоирония*, ее неотторжимая составляющая) возникает в посланиях Львова также за счет разнообразных *масок* лирического героя: «парнасский трубочист» в послании к В.В. Капнисту «И я тебе, уроду...»; «лежащий в растяжку» больной, обуянный «вральской силой» и диктующий спонтанно рождающиеся стихи («Горячка»; «Графу Аполлосу Аполлосовичу М<усину>-Пушкину от меня неименитого обычное челобитье 20 августа 1801 года, С. Петербург»); мыслящий фольклорными категориями носитель некоего «исконного» сознания («Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Етин министром, в ответ на письмо его из Москвы от 15 января 1797»). Общему ироничному настрою, позволяющему в «смешных стишках» затрагивать и крайне серьезные темы, способствуют гетерогенные композиции, скачки в изложении, обнажение приемов, введение фантастических элементов, в том числе в духе фольклорного гиперболизма, видений, а порой нарушение когерентности текста. Львов показывает себя, помимо прочего, и *мастером пространственной точки зрения*. Так, например, в послании И.М. Муравьеву Львов направляет свой и читателя взор вслед за адресатом, скрывшимся, подобно соколу за облаками, в чужих строках, что позволяет ему сделать обобщенные сатирические зарисовки западноевропейской жизни. Ясно, что она не пойдет на пользу его другу-адресату, которому присвоен облик былинного богатыря. Сочувствие к оторванному от родной почвы соотечественнику исторгает слезу из глаз адресанта, который роняет ее на «грамотку», и теперь читатель с ним вместе следит за тем, как она бежит, растворяя ореховые чернила, как разрастается ее «безмерный шлейф». Лирического героя «пронимает смех такой», и он устремляется «с двора долой», вспомнив о неисполненных делах и обрывая послание.

Общему ироничному настрою способствует и пестрая языковая ткань львовских посланий, уникальная для русской литературы в XVIII столетии: ее основа — разговорный язык образованных кругов общества, в который оказываются вживлены и лексика высокого стиля (по большей части пародийно), и городское просторечье (порой грубоватое), и фольклорные формулы, и диалектизмы, и макаронизмы. Сходные процессы обогащения лексики исследователи отмечают в связи с поэзией Державина⁴⁰, для которого, впрочем, несвойственно введение в стихи

⁴⁰ Грот Я.К. Язык Державина // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1883. Т. IX. С. 333–355; Виноградов В.В. Очерки по

иноязычных речений, а областные слова не имеют отчетливой местной окраски (у Львова это преимущественно тверские словечки).

С коммуникативной точки зрения послания Львова распадаются на две группы. В первой из них доминирует *экспрессивная функция*. Содержательный аспект этих произведений размыт, их содержание поддается пересказу лишь в самом общем виде, словесная ткань избыточна по отношению к тому, что собственно сообщается. Так, беря на себя роль «парнасского трубочиста» в послании «И я тебе, уроду...», Львов стремился потоком дружеской экспрессии угасить разгоравшийся конфликт между Державиным и Капнистом и побудить второго принять поправки к стихам, сделанные Львовым. В двух посланиях на первом плане фрустрация по поводу несостоявшейся встречи («Помилуй, граф...»; «Иже во благих тому же отцу Егорову»). А в связи с отъездом А.А. Мусина-Пушкина на Кавказ Львов дает волю своей буйной фантазии, воодушевляемой надеждами на успехи поиска драгоценных металлов в Грузии, в силу чего когерентность изложения в послании оказывается особенно явно нарушена: обращение к другу сменяется ирреальной картиной движения экспедиционного каравана, за которой следует внезапное рассуждение о продажности красоты и проч.; многие намеки и окказиональные выражения должны были быть вняты лишь адресату, хотя и в этом нельзя быть полностью уверенным.

Во второй группе посланий доминирует *коммуникативная (референтивная) функция*; в них на первый план выдвинута эвдемоническая проблематика, к разработке которой поэта подтолкнул Державин стихотворением «К Н.А. Львову» («Стократ благословен тот смертный...», 1792)⁴¹. В нем Державин в горацианском духе воспел деревенскую жизнь своего друга, удалившегося от двора:

Стократ благословен тот смертный,
Кого не тяготит печаль,
Ни зависть потаенным вздохом
Ни гордость громогласным смехом
Не жмут, не гонят со двора.

истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 3-е. М., 1982. С. 154–158 (главка «Внедрение просторечия в средний и высокий слог. Язык Державина»).

⁴¹ Впервые с заглавием державинская «Ода к Н.А. Л<ьвову>» без указания имени автора опубликована: Московский журнал. 1792. Ч. VII. Кн. II. Авг. С. 105–108. О посланиях Г.Р. Державина и их взаимодействии с другими жанрами см. подробнее: Ларкович Д.В. Послание в системе лирических жанров Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. Н.П. Морозовой. СПб., 2015. С. 5–16.

Сокрыта жизнь твоя в деревне
 Течет теперь, о милый Львов!
 Как светлый меж цветов источник
 В лесу дремучем. Пусть другие,
 Взмолятся, из терема глядят <...>.

Но ты умен: ты постигаешь,
 Что тот любимец лишь небес,
 Который под шумком потока
 Иль сладко спит, иль воспевает
 О Боге, дружбе и любви⁴².

На белые стихи своего друга Львов отвечает рифмованными вольными ямбами, в которых оставляет без внимания державинскую аллюзию на знаменитый стих Горация (“*Beatus ille qui procul negotiis...*”, *Hor.* *Ep.* II, 1)⁴³ и описывает свой идеал приближения к крестьянской жизни. Русский мужик в посланиях Львова — это в известной степени «естественный человек», которому близость к природе позволила сохранить здоровые начала, и дворянину не стыдно поднабраться у него ума, уравновешенности, семейного духа⁴⁴:

Для должности мне день всегда казался мал,
 А если я его не проводил с друзьями,
 Для счастья моего я день тот потерял.
 А здесь меж мужиками,
 Не знаю отчего, я как-то стал умен,
 Спокоен мыслями и нравом стал равен,
 С надеждою ложусь, с утехой просыпаюсь,
 С любовью выхожу, с весельем возвращаюсь,
 Благословляючи на встречу стократ
 Станицу шумную троих моих ребят,
 Которые растут здоровы, сильны, стройны;
 Но были ль бы и здесь так дни мои спокойны,
 Когда бы не был я на счастья женат?

(ИС, 62)

⁴² Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 512–514, 515–516.

⁴³ И Державин, и Львов (см. ниже) игнорируют иронические коннотации этого стиха и всей апологии деревенской жизни, вложенной Горацием в уста ростовщика Альфия, так и не покинувшего его город из-за своих делишек.

⁴⁴ В этом отношении посланиям Львова оказываются наиболее близки некоторые из его автоэпиграмм, созданных в 1790-е гг., в которых вырисовывается тот же образ помещика, усвоившего формы народной жизни; ср.: Сам на себя и на ребят моих («Всегда был мал...»; ИС, 94).

Вырисовывающаяся картина благоденствия далека от позднейшего народнического восхищения крестьянской общиной как моделью справедливого общественного устройства. Это скорее *национально окрашенная монархическая утопия* (подобная той, что мы видим и в львовских «Ямшиках на подставе», и в ряде его автоэпиграмм 1790-х гг.), где дворяне гармонически, вполне в духе эпохи Просвещения, сосуществуют с крестьянами «на земле», вдали от соблазнов больших городов и от цивилизации, «оторванной от почвы». Сатирическое и по большей части довольно абстрактное обличение этих уклонений от чаемого «естественного» состояния в столице и при дворе занимает поэтому в посланиях Львова немало места, и это сближает их с поэзией Державина, где, впрочем, разработка этих тем происходит иными художественными средствами. В то же время в посланиях Львова весьма заметное место занимают выпады против авторов сервильных од, массово создававшихся в карьерных и корыстных целях. Имен этих щелкоперов поэт, впрочем, не называет, это частный, хотя и особенно досадный для него как для представителя иных литературных ценностей случай искательства «фортуны» при дворе⁴⁵. Чужеродность столичной жизни — во многом результат ее вестернизации, как становится ясно из послания И.М. Муравьеву, в которое введена шутливая сатира на западноевропейскую цивилизацию⁴⁶.

Наиболее яркие и объемные картины семейной гармонии в Черенчихах-Никольском, поместье Львова, находим в первой части «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797». Они далеки от народнического служения народу, как и от толстовского трудового слияния с ним, — дворянская семья, кончив именно свое, не крестьянское дело, собирается летним вечером за усадебным столом. Горацианская аллюзия из стихотворения Державина, звучащая здесь («как они блаженны»), призвана подчеркнуть вечность и незыблемость этих ценностей:

Я истинно, мой друг, уверен,
Что ежели на нас Фортуны фаворит
(В котором сердце бы не вовсе зачерствело)

⁴⁵ Здесь Львов продолжил традицию «Сатир первой и последней» Капниста, первая публикация которой в 1780 г. содержала перечень имен восьми бездарных литераторов. Державин, как известно, воздерживался от прямых выпадов против сервильных писателей, рано сформировав негативное отношение к ним (Занавод В.А. Проблема литературного сервизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г.Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1989. С. 56–75).

⁴⁶ Тема эта отнюдь не случайна для творчества Львова; решается она неизменно в ироническом ключе, обращение к ней — скорее повод задуматься, чем требование отвергнуть всё западное (ср. в первую очередь его поэму «Добрыня», 1796).

В Никольском поглядит,
Как, песенкой свое дневное кончив дело,
Сберемся отдохнуть мы в летний вечерок
 Под липку на лужок,
 Домашним бытом окруженны,
 Здоровой кучкою детей,
Веселой шайкою нас любящих людей,
 Он скажет: «Как они блаженны,
 А их удача не кружит!
Мое вертится всё, их счастье лежит.

(ИС, 71–72)⁴⁷

Следующий пассаж из того же послания важен как определенное философское кредо Львова (его лирический герой здесь — несомненно рупор идей автора). С одной стороны, поэта в высшей степени занимают вопросы, волновавшие эпоху Просвещения, — он убежден, что человек от природы добр, что путь к счастью зависит от самого человека и пролегает через возвращение к некоему «естественному» состоянию («Но добрым я рожден и счастливым быть стою»), через «примирение» с природой. С другой стороны, для Львова, спроектировавшего и воздвигнувшего не один православный храм, важна конфессиональная общность двух основных сословий в России; поиски некой универсальной религии его никогда не увлекали. Конечно же, и национальный аспект играет для поэта важнейшую роль (и это роднит Львова с позднейшей, романтической эпохой); его крестьянин — это не философская абстракция, импортированная с Запада, а хотя и идеализированный, но всё же именно русский простолудин:

Что был мой век?
Туман. Что счастье? Мечта.
Что должность первая из важных? Суета.
Она опасностью мой разум обуяла
И радости прямой к душе не допускала;
Восторг ни каплей слез любви не оросил,
Ни искрой дружба кровь мою не согревала,
Меня всё на всё, я сердце износил,

⁴⁷ К этим строкам отсылают стихи Ф.П. Львова в послании к его кузену Н.А. Львову «Другу моему», написанном в том же 1797 г.: «Где ж счастье? Где оно летает? / Не в сердце ли гнездо свивает / Сие чудесно существо? / Не там ли я видал его, / Где человек обогащенный / Здоровой кучкою детей, / Трудями красит век почтенный / И не касается путей, на коих призраки прелестны / В темницу к роскоши ведут?..» (*Львов Ф.П.* Часы свободы в молодости / Изд. подгот. Е.Ю. Жаровой и М.В. Строгановым. Тверь, 2006. С. 44–45, 350).

характеризует себя лирический герой и во фразе, замыкающей послание А.А. Мусину-Пушкину: «Вот первый бред вышедшего из горячки, но не совсем в рассудок вошедшего слуги вашего»⁵⁰.

Снизу листа, на котором записано послание «Его сиятельству графу Александру Андреевичу Безбородке», читаем: «Продиктовал ее Федору Петр овичу» (т.е. Ф.П. Львову. — К.Л.-Д.) так, как есть»⁵¹.

Заботливо сохранена в том же томе и последующая мини-переписка Львова в заключение «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797»:

Пришли, пожалуйста, назад. Я, как написал, так к тебе и послал, у меня помарочки не осталось.

Ответ

Вот вам копия; у вас кто-нибудь разберет и перепишет, а оригинала не отдам, потому что хочу я его когда-нибудь употребить, как в освобожденном Иерусалиме Убальд употребил алмазный щит в садах Армидиных.

А. Бакунин»⁵².

Частям то даются отдельные названия, то их вводят прозаические замечания, как то: «Вот тебе, мой друг», *de la galimathia double*» (грамматически верно было бы: «*du galimathias*»).

Ну и, наконец, Львов порой сам поясняет собственный текст, для чего вводит в него сноски. В одной из них Львов цитирует обращение, содержащееся в письме к нему И.М. Муравьева (««Ангел мой титулярный» вместо обыкновенного титула в письме было написано»), чтобы пояснить собственную строку в письме к другу: «Каково же мне титулярному»⁵³. Чуть далее, депатетизируя довольно выпененный пассаж в основном тексте послания о слезе, пророненной лирическим героем на «милые слова», он замечает: «А просто сказать, расплылись чернила орешковые» (ИС, 69).

и о последующем бытовании текста в дружеском кругу, когда многое уже стиралось из семейной памяти: 1) РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 621. Л. 1–2; 2) Там же. Ед. хр. 758. Л. 11–11 об. В них имеются позднейшие и не во всем достоверные пояснения, автором которых была, видимо, Варвара Алексеевна Оленина (1802–1877), дочь Е.М. и А.Н. Олениных; так, об авторе «Горячки» читаем: «Николай Александрович Львов замечателен был во время Екатерины II, был ею отличен. Умер сумасшедшим» (РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 621. Л. 2; Там же. Ед. хр. 758. Л. 11 об.).

⁵⁰ Михаил Муравьев и его время. С. 8.

⁵¹ РНБ. Ф. 247. Т. 37. Л. 9а.

⁵² Там же. Л. 69.

⁵³ Друзья обыгрывают следующее биографическое обстоятельство: Львов незадолго до того, в декабре 1796 г., получивший чин («титул») действительного статского советника, не имел определенного места службы.

Полиструктурность посланий Львова теснейшим образом связана с *полиметрией* в них: так, три из одиннадцати посланий Львова соединяют в себе разные размеры. Излюбленный метр поэта в интересующем нас жанре, активно комбинируемый им с другими, — вольный ямб, длина строк которого колеблется от двух до шести стоп, с вольной рифмовкой, со свободным чередованием женских и мужских клаузул. В эти пассажи порой вводятся равностопные отрывки, как в «одическом» зачине «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797». В общей сложности в посланиях насчитывается 652 вольных ямба; велик и удельный вес вольного хоря — 115 стихов. Равностопные двусложники — в заведомом меньшинстве: 37 четырехстопных хореев и 47 четырехстопных ямбов (применение его во втором послании к Державину, сохраняющем связь с поэтикой похвальной оды, в высшей степени оправдано). Особенно следует отметить новаторское обращение Львова к двустопному пентону третьему, одному из песенных размеров русского фольклора (81 стих в первой части послания «Ивану Матвеевичу Муравьеву, едущему в Етин министром, в ответ на письмо его из Москвы от 15 января 1797»), названному позднее кольцовским пятисложником, хотя справедливости ради его следовало бы назвать пятисложником львовским⁵⁴. Рифмуя, в отличие от Державина, обыкновенно весьма точно, Львов лишь в послании Муравьеву отказывается от рифм.

Для достижения ярких художественных эффектов Львов умело использует метрические девиации. Так, в зачине послания Державину он во втором стихе опускает одну из стоп, привлекая тем особенное внимание к характеристике своего друга, содержащейся здесь:

О друг отечества и мой,
 Друг истины святой,
 Глагол полуночных колоссов
 Еще тебе, еще венец
 Доблественных, надежных россов,
 Внушенный силою певец!
 (ИС, 64)

Неоднократно поэт «играет» и с анакрусой, вводя в хорейческие стихотворения ямбические строки (см. выше строфометрические характеристики посланий), и, наоборот, в послании «Три “Нет”» ряд стихов состоит лишь из одного односложного слова «нет», столь существенного в контексте этого произведения.

⁵⁴ Этим размером также написана львовская песня «Как, бывало, ты в темной осени...» (1790-е; ИС, 55–56).

Близость языка посланий к разговорной и народной речи выражается уже на фонологическом и морфемном уровнях: так, активно используются парагогические формы глаголов и деепричастий (*пришлось, морщися, соглашуся, ускользнувшись, уйтить*), краткие формы прилагательных (в целях придания фольклорного колорита или как элемент высокого стиля, но большей частью для выдерживания размера), девиантные формы существительных (*рублёв, без зуб*) и глаголов (*остановлял, писнуть*), синкопированные и апокопированные варианты (*вытращил, несладимой, везть, лампад*).

Львов использует и прием искажения языкового кода: произвольно заменяя фонемы и «воспроизводя» ломаную «немецко-русскую» речь⁵⁵, он вводит в послание А.А. Мусину-Пушкину маловразумительный разговор двух немцев Германа и Фишера (видимо, подчиненных графа) в следующую фантастическую сцену движения каравана, отправляющегося за золотом на Кавказ:

С полуденных стран богатых
Подымается туман,
На чудовищах горбатых,
Трезвых, сильных и мохнатых,
От краев валит хлопчатых
С позвонками караван.
Бывший в легоньких транспортах
На скоте передовом,
Фишер, купидон в ботфортах
Меж ушей и с фонарем.
Золотом карман обширной,
Как желудок, начинен;
Герман, друг его умильной,
Удивленьем поражен.
Чинным ротиком и узким,
Языком немецко-русским
Говорит: «прафа нет он!
Фишер свой карман со пуста
Как буфал и не буфал!
Со богатой? Куда псал?
Золотой прад не капуста
На Ульяновку зарупал!»

⁵⁵ Тот же прием использован Львовым в «Ботаническом путешествии на Дудорову гору 1792 года мая 8-го дня», в котором речь хранительницы Дудергофских высот, явившейся рассказчику во сне, наделена ингерманландским акцентом. Ее реплики читаются намного лучше, ибо автором в сноске предложен ключ к фонетическим искажениям ее речи (ИС, 190).

Тучей пыльной солнце тмится,
 Слух брякушками глушится,
 Вслед за Фишером валится,
 Буря чуд, богатств сумы,
 Путь под ними золотится
 И разинулись умы⁵⁶.

Обильно представлена в посланиях Львова просторечная лексика: *вдругорядь, ералаи, подмоцаться* (льстить), *камурочка* (комната), *морочить, лъзя, дескать, зелье* (зло), *приплыть* (прибыть), *срамить, шальной, улестись* (уйти), *уруть* (уехать), *шайка* (при обозначении своих родных), *шиш*. Нередко это слова бранные и грубоватые: *урод, шпынь*⁵⁷, *ханжа, брюзга, хрыч*, а также поговорки и присловья, в которых они употреблены: *за что ни попадя ловить, не черт их нес*. К этим словам примыкает и заметная группа диалектизмов, большинство которых, как и в «Ямщиках на подставе», тверского происхождения: *встретенье* (встреча), *ерак* (эдак), *жадобный* (милый), *зде* (здесь), *кутить* (крутить), *обратать* (оседлать), *ошаломить* (или *ошеломить*, т.е. ударить по голове, помрачить сознание), *плесея* (или *плясея*, т.е. плясунья), *хвилой* (хилый), *станцица* (группа людей, стайка), *шемела* (метла, помело), *шеллаган* (пустой человек).

В послании И.М. Муравьеву в соответствии с задачей создания фольклорной стилизации Львов наиболее последовательно использует былинные синтаксические конструкции, образы и формулы народной поэзии: *млад ясен сокол* (для обозначения молодца), *грянуть песенку, коромыслом пыль*, а также фразеологизмы: *между рук горит*.

Львов и сам занимается словотворчеством, почему в его посланиях находим немало окказионализмов, значение которых обычно хорошо понятно благодаря контексту и родственным словам: *залюбиться* (отдаться чувству любви), *людство* (публичность, толпа), *неимущество* (бедность), *нелесь* (нелестные суждения).

Не удивительно, что при таком обилии лексических средств, работающих на снижение и депатетизацию посланий, количество славянизмов в них оказывается мизерно, но и они, конечно же, неотъемлемая часть этой словесной мозаики: *глагол, доблественный, коцун, облактился*,

⁵⁶ Михаил Муравьев и его время. С. 6–7.

⁵⁷ Для этого слова, конечно же, важен его контекст в «Нескольких вопросах, могущих возбудить в умных и честных людях особенное внимание» Фонвизина, обращенных к Екатерине II: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?» (Собеседник любителей русского слова, содержащий разные сочинения в стихах и в прозе некоторых российских писателей. СПб., 1783. Ч. III. С. 165).

бессребренник. Последнее слово столь прочно вошло в русский язык, что уже не ощущалось как славянизм, что, кстати, доказывает его употребление в послании Мусину-Пушкину в связи с имитацией речи крестьян. Особенно следует отметить форму дуалиса в зачине первой части «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловска, июня 14, 1797»: «Слепой очима, духом зрячий...» Эта грамматическая форма (впрочем, свойственная не только старославянскому языку, но и русским говорам) способствует созданию особой, одической интонации, которая выдерживается лишь во втором послании Державину, в других же стихотворениях Львов последовательно стремится ее преодолеть и отмежеваться от высокого стиля.

Интерес Львова к коду, к фактуре художественного сообщения сказывается и в двух случаях макаронизма. В первом это несколько иноязычных слов в уже цитировавшемся перитексте: «Вот тебе, мой д<руг>, de la galimathia double» (ИС, 79); в другом — двенадцатистрочный сумбурный стишок на итальянском языке, замыкающий послание к И.М. Муравьеву; его веселый тон и «чужеземность» ярко контрастируют с основной, «русофильской» частью этого произведения.

Одна из наиболее типичных черт посланий Львова на семантическом уровне — их *повышенная метафорическая насыщенность*, а также яркость, смелость самих метафор и тесно связанных с ними сравнений. Метафора может быть развернута, как, например, в «Горячке», где она «спаяна» с таким риторическим приемом, как *figura ethymologica*. Подчеркивая происхождение фамилии Олениных от названия животного, Львов строит послание Е.М. и А.Н. Лениным на обыгрывании расхожей в языке 1790–1800-х гг. метафоры «олень» в значении «рогоносец».⁵⁸ Привычным пошлым ассоциациям и нравам при дворе, где браки редко заключались по любви, а случаи супружеской неверности были часты, Львов противопоставляет «безрогость Оленя», крепость семейного счастья Оленина и его друзей, построенного на взаимности и доверии супругов:

Двадцать градусов морозу...
Я в горячке третий день...
В ноябре живую розу
На Сенной родил Олень,
И безрогий, неказистой,
Доказать зверек сей мог

⁵⁸ Ср. у С.Н. Марина в «Письме Ар<сеньеву>» (нач. 1800-х): «Дела идут на лад — уж муж ее олень, / Я с нею вижуся тихонько через день» (Марин С.Н. Полное собрание сочинений. М., 1948. С. 82 (Летописи Государственного Литературного музея. Кн. X)); ср. его же «Письмо к Аргамкову» (Там же. С. 101. № 76).

То своей голубке чистой,
 Что он муж ей, хоть без рог.
 Но без рог! о друг, ты свету
 Станешь странный шиш казать,
 Мужнюю не зря примету,
 Кто нас мужем станет звать?

Что такое есть венчаться?
 Украшать венцом чело,
 Чем же мужу отличаться,
 Как чело у нас голо?

Как венец сей налагают
 Честна камня в страстный час,
 Тут под титлом намекают
 То, чем Бог обидел нас:
 Знаменитыми мужами
 Он нас быть не осудил,
 Но комолями скотами
 В угол счастья заключил,
 Дал свободу веселиться,
 Скромно и покойно жить,
 Целый круглый век любить,
 О пустом не суетиться,
 Да проходит уж и век,
 Где рогами в знать втесниться
 Может честный человек.

(ИС, 62–63)

Из процитированного пассажа видно, как метафорическое наименование Оленина «*безрогим оленем*», а затем и «*зверьком*», оказывается ключом к тропам по сходству, порой весьма индивидуально ощущаемому: *живая роза* (новорожденный Николай Оленин), *голубка* (Е.М. Оленина), *странный шиш* (вызывающий поступок, поведение), *рога*, также и *венец* (неверность жены, принимаемая мужем), *комолые скоты* (мужские представители львовско-державинского содружества, осчастливленные их верными женами).

Не будучи выстроены в столь затейливые ряды, как в «Горячке», в целом метафоры в посланиях яркие, свежи, тесно связаны с контекстом, биографическими событиями и атмосферой кружка. Приведу лишь некоторые примеры метафорической субституции: *вечна ночь* (смерть), *курноса, адска дочь* (смерть), *луч веселости* (веселость, которой оделяют других), *все по ниточке* (упорядочено), *на безмен слова* (немногословно), *на аршин шаги* (выверено), *бельмы вытращить* (изумиться), *мадам*

летучая, нагая (Фортуна), *суетиться жабой и ужом* (заискивать), *повести клином рот* (огорчить поведением наперекор), *кружиться колесом* (подслуживаться), *в обод загигать, улицу мостить кем-то* (принуждать, унижать), *износить сердце* (утратить былую чувствительность), *холодность, облегающая сердце* (огорчение), *травчатый паркет* (луга), *прийти на костылях с другого света* (выздороветь), *жить впопыхах* (стремиться многое успеть, быть деятельным), *коса для слабых ног* (препятствие из-за слабости сил), *обух для головы* (невыносимое ментальное напряжение), *разинулись умы* (многие пришли в изумление), *дух возлег* (установилась атмосфера), *ниточки ссучить* (дать отсрочку), *чистая отставка* (смерть), *проглотить сердечный узел* (подавить чувства), *пресных душ витушки* (смирненные, не мятежные души), *ревизские стаи* (предвзятые, недоброжелательные проверяющие), *путь скользкий* (жизнь) и др. Метафорично и употребление Львовым многих эпитетов — Москву он зовет «тетёхой», намекая на неупорядоченность ее пространств в отличие от «мужественного», более четко структурированного Петербурга. Говоря в другом месте о «тетёхах-студенях» и об их расхожих мнениях, он одним эпитетом создает образ их телесной и интеллектуальной рыхлости.

Метонимический ряд в посланиях Львова в сравнении с метафорическим оказывается весьма скудным; приведу примеры лишь двух антономазий: *домашний зодчий ваи* (самообозначение Львова), *командир всех* (Христос). Особо отмечу, что приверженность Львова к достижению художественных эффектов за счет семантических контрастов проявляется в охотном использовании оксиморонов: *мудрый безграмотный мир*, *одушевленный тлен*, а также катахрез: *ум и наг и бос, пустой набат, разинулись умы* (последняя одновременно и яркая метафора).

IV. Дружеские послания Н.А. Львова в жанровом контексте

Предпринятое выше рассмотрение нескольких аспектов львовских посланий, наиболее существенных для понимания их поэтики, утверждает в мнении об их высокой насыщенности художественными приемами и умелой «сделанности», а также о различной степени спонтанности возникновения этих произведений. Чтобы в полной мере оценить их оригинальность, следует в заключение бросить хотя бы беглый взгляд на русские послания 1780–1790-х гг.

На первый взгляд (но только на первый) из многообразной эпистолярной лирики конца XVIII столетия с посланиями Львова схожи только два стихотворных «письма» Ю.А. Нелединского-Мелецкого: «Письмо к А.В. Сал<тыкову>» (1783) и «Письмо к Д.И. Головиной из Витебска»

(между 1783 и 1785). Они были опубликованы через много лет после смерти автора, а потому также «оказались за бортом» литературы своего времени. Поводом к созданию первого стала экстравагантная выходка А.В. Салтыкова: он поначалу отправился в Курск на свадьбу В.В. Нащокина, которая была отложена на день и на которую он поэтому не остался, ибо иначе не успел бы в Москву на маскарад, где собирался продолжить ухаживание за очередной возлюбленной. Вторым посланием Нелединский-Мелецкий ответил на дружеские поддразнивания его давней приятельницы Д.И. Головиной по поводу его холостячества и, насмешливо описав страсть жениться, внезапно охватившую столичных дворян, принес ее будущему мужу заверения преданности⁵⁹. Оба послания написаны вольными ямбами, а их грубое просторечье, скорее, восходит к традиции скарроновского бурлеска (никаких более общих, этических проблем они, в отличие от посланий Львова, не ставят) — комический эффект достигается тем, что поэт о событиях в высшем светском кругу, к которому принадлежит, повествует языком крайне сниженным. Чего стоит первая фраза послания Головиной «Уж, matka, ты мне уши прожужжала!...» или его окончание, из которого выясняется, что юная аристократка «схватила молодца»:

Схватила, мать моя, себе ты молодца!
 Да как подкράлася! И он, знать, вор, детина:
 Он Дарью поймал — ведь экой молодчина!
 Вели ему меня любить;
 А там мое уж будет дело
 Его к себе любовь и дружбу заслужить.
 За то ручаюсь смело,
 Что Дарьин муж всегда найдет во мне
 Слугу, каков я был и есмь его жене⁶⁰.

В целом же именно в 1780–1790-е гг. происходит существенное обогащение метрики и строфического репертуара посланий⁶¹. Наряду с alexandrinским стихом, еще довольно многочисленным⁶²,

⁵⁹ Супругом Головиной стал Семен Федорович Уваров (1743–1788); в этом браке родился С.С. Уваров (1786–1855), государственный деятель, министр народного просвещения в 1833–1849 гг.

⁶⁰ Сочинения Нелединского-Мелецкого. СПб., 1850. С. 112.

⁶¹ В этом русская литература, судя по всему, следовала в первую очередь за французской, в которой гегемония alexandrinского стиха в посланиях была давно поколеблена. Так, Вольтер для своих “*épîtres*” избирает различные размеры; он также комбинирует в них стихи различной длины.

⁶² Княжнин Я.Б. «Послание к российским питомцам свободных художеств» (1782); Козодавлев О.П. «Письмо к татарскому Мурзе, сочинившему оду к премудрой Фелице» (1783); Бухарский А.И. «Письмо к другу» (1792); Козодавлев О.П. «Письмо

и близкородственным ему шестистопным ямбом вольной рифмовки⁶³, в посланиях начинается в высшей степени широко использоваться четырехстопный ямб⁶⁴, об экспансии которого в это время во все жанры справедливо писал М.Л. Гаспаров. Востребованы также трехстопный (не только рифмованный, но белый)⁶⁵ и вольный ямбы⁶⁶, четырехстопный⁶⁷ и даже пятистопный хорей⁶⁸. Столь же пестра строфика посланий в эти годы: это и катрены, и шестистишия, и восьмистишия различных видов, и одические десятистишия, и усложненные строфы⁶⁹, нередко и вольная рифмовка. Можно говорить о раскрепощении жанра, освободившегося в эти годы от гнета каких-либо формальных предписаний.

В 1790-е начинается также столь важный процесс, как горацанско-анакреонтический тематический синтез в дружеских посланиях⁷⁰, написанных анакреонтическими размерами (т.е. в первую очередь четырехстопным хореем и трехстопным ямбом, наряду с ямбом четы-

к Ломоносову 1784 года» (1784); Словцов П.А. «Послание к М.М. Сперанскому» (1794); Дмитриев И.И. «Послание к Н.М. Карамзину» (1795); Николев Н.П. «Послание к другу пиите и рыцарю <Д.П. Горчакову>» (<1791>); и др.

⁶³ Богданович И.Ф. «Письмо поселянина к военачальнику» (1789).

⁶⁴ Козодавлев О.П. «К другу моему ***» (1783); Княжнин Я.Б. «К княгине Дашковой. Письмо на случай открытия Академии российской» (1783); Николев Н.П. «Лирическое послание княгине Е.Р. Дашковой» (1791); Львов Ф.П. «Доброму человеку» (1792); Державин Г.Р. «Храповицкому» (1793); Капнист В.В. «Друзьям моим» (1793); Крылов И.А. «К другу моему. А.И. К<лушину>» (1793); Карамзин Н.М. «Послание к Дмитриеву» (1794); Карамзин Н.М. «Послание к Александру Алексеевичу Плещееву» (1794); Державин Г.Р. «Другу» (1795); Магницкая А.Л. «К бессмертному творцу „Россиады“» (1797); Николев Н.П. «Послание к князю Н.М. Козловскому» (опубл. 1797); и др.

⁶⁵ Княжнин Я.Б. «Письмо к гг. Д. и А.» (<1786>); Карамзин Н.М. «Анакреонтические стихи А.А. Петрову» (<1786?>); Карамзин Н.М. «Мишеньке» (1790); Хованский Г.А. «Послание к Хлоину другу на случай помолвки» (1795); Херасков М.М. «От Т<ворца> Р<оссиады> Н-л...е и А-л...не М...цким» (1797); Голенищев-Кутузов П.И. «К сочинительнице Ручья, стихи тою же мерою писанные» (1799).

⁶⁶ Княжнин Я.Б. «Исповедание Жеманихи. Послание к сочинителю „Былей и небылиц“» (1783); Карамзин Н.М. «Послание к женщинам» (1795); Пушкин В.Л. «Письмо к И.И. Д<митриеву>» (1796); Нелединский-Мелецкий Ю.А. «К Темире» (1796).

⁶⁷ Дмитриев И.И. «К Ф.М. Дубенскому сочинившему музыку на песню „Голубок“» (1795); Карамзин Н.М. «Ответ моему приятелю, который хотел, чтобы я написал похвальную оду великой Екатерине» (1796); Магницкий М.Л. «Послание к другу моему Д.А.К.» (1797); Дмитриев И.И. «Послание к А.И. Толбугину» (вторая пол. 1790-х); Державин Г.Р. «Храповицкому» («Храповицкой! дружбы знаки...», 1797).

⁶⁸ Словцов П.А. «Полно, друг, с фортуною считаться...» (1796).

⁶⁹ См., например, «Письмо к творцу оды, сочиненной в похвалу Фелицы Царевны Киргизкайсацкой» (1783) Е.И. Кострова, строфы которого состоят из катрена и двух трехстиший; в них комбинируются шести- и четырехстопные ямбы.

⁷⁰ См. подробнее: *Маркин А.В.* Дружеское послание 1780–1820 гг. и традиции Анакреона и Горация в русской литературе // Модификации художественных систем в историко-литературном процессе. Свердловск, 1990. С. 18–26. Ср. также: *Гинзбург Л.Я.* О лирике. 2-е доп. изд. Л., 1974. С. 198–201.

рехстопным, универсальным); этот процесс стал предпосылкой важных художественных достижений следующей эпохи⁷¹. Пространные дружеские послания, наряду с элегиями, получают в первой четверти XIX в. столь широкое распространение, что В.К. Кюхельбекер, как известно, избирает их мишенью критики, когда в 1824 г. выступает в печати в защиту ценностей романтической поэзии⁷².

Львову, хотя он и сам отдал дань восхищения анакреонтике, эта тенденция в литературе 1790-х гг. оказалась чужда. Несмотря на то, что горацианские мотивы присущи его посланиям, имеют они совершенно иную, национальную огласовку. В целом же изображенный мир дружеских посланий Львова и те средства, которыми он создается, вполне оригинальны. Внезапная смена фокуса авторского зрения и планов повествования, полеты причудливой фантазии, автобиографизм, различные маски лирического героя, повышенная экспрессивность, активная задействованность перитекстуального поля, композиционная непредсказуемость, пародирование различных стилистических систем, полиметрия, фонетические метаплазмы, объединение в одном ряду высокой, разговорной (при этом порой грубоватой), диалектной и иноязычной речи, а также фольклорных формул, яркая метафорика — всё это оказывается подчинено единой сверхзадаче, раскрытию темы творческой личности и ее счастья. Не случайно поэтому излюбленным размером посланий Львова становится вольный ямб, наиболее пригодный для создания впечатления спонтанности поэтической речи и в посланиях его друзей в эти годы не встречающийся⁷³.

⁷¹ Наиболее яркие и ранние тому примеры — следующие дружеские послания И.И. Дмитриева, написанные четырехстопными хореем, адресат последнего из них уподоблен Анакреонту: «Стансы к Н.М. Карамзину» (1793), «К приятелю (с дачи)» (1795), «К Ю.А. Нелединскому»-«Мелецкому»» (1795).

⁷² «Послание у нас или та же элегия, только в самом невыгодном для ней облачении, или сатирическая замашка, каковы сатиры остряков прозаической памяти Горация, Буало и Попа, или просто письмо в стихах. Трудно не скучать, когда Иван и Сидор напевают нам о своих несчастиях; еще труднее не заснуть, перечитывая, как они иногда в трехстах трехстопных стихах друг другу рассказывают, что, слава Богу! здоровы и страх как жалеют, что так давно не видались!» (*Кюхельбекер В.К.* О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие // *Мнемотина*. 1824. Ч. II. С. 33).

⁷³ Так как послания Львова были опубликованы по большей части в XX в., их место в истории русского вольного ямба не учтено в важнейших исследованиях, посвященных этому размеру: *Тимофеев Л.И.* Вольный стих XVIII в. // *Arg poetica*. Вып. 2. М., 1928. С. 73–115; *Матяш С.А.* Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб., 2011. Отмечу, что Державин в своих сравнительно немногочисленных посланиях 1790-х гг. вольный ямб не применял, неизменно предпочитая строфическое построение стихотворений: «Ко второму соседу» (1793), «Храповицкому» («Товарищ давний, вновь сосед...» 1793), «Другу» (1795), «Храповицкому» («Храповицкой! дружбы знаки...» 1797). Капнитс создал в это десятилетие всего одно послание «Друзьям моим» (1793), состоящее из двух восьмистишных строф, написанных четырехстопным ямбом. Тот же размер находим

Впечатлению раскрепощенности творческой манеры, созданию в его посланиях обширного экспериментального поля способствовала прежде всего ориентация Львова на ближайших родственников и друзей, предполагавшая презумпцию благожелательности и большую, чем у широкой читательской аудитории, информированность, а следовательно, и повышенную восприимчивость к намекам, иносказанию, иронии, неожиданным, раскованным, а потому и рискованным художественным приемам⁷⁴. То, чему на исходе XVIII столетия господствующие вкусы отказывали в принадлежности к литературе, в «литературности», обрело эстетическую ценность в глазах читателей лишь в XX и XXI вв., когда представления о «допустимых» художественных средствах выражения кардинально изменились. Послания Львова, таким образом, — образцовый пример способности произведений, не воспринятых современниками, менять затем свое место на шкале культурных ценностей. Дав волю новаторским порывам и экспериментированию в своих посланиях, Львов создал произведения, оказавшиеся в куда большей степени эстетически релевантными для позднейших, а не ближайших к нему поколений. Опередив свое время, Львов тем самым несомненно сказал нам нечто важное, не сказанное другими поэтами об искусстве своей эпохи и его интенциях; публикация его посланий и ряда других произведений по истечении значительного времени после их создания усложнила и обогатила наши представления о русской литературе в XVIII столетии и ее эстетике.

в трех посланиях Ф.П. Львова этих лет: «Доброму человеку» (1792), «Другу моему» (1797), «Г.Р. Державину из Ревеля» (1798 или 1799); его послание А.Н. Оленину «Николаевичу от Петровича» (1800) написано четырехстопным хореем.

⁷⁴ Интересным примером усвоения этих приемов и одновременно бытования произведений Львова (и в первую очередь посланий) в его дружеском кругу следует признать стихи, написанные его родственником и почитателем А.М. Бакуниным в 1800-е гг. Они содержат парафразы и цитаты из следующих стихотворений Львова, а также варьируют их темы: «Не час», «Счастье и Фортуна» (вторая часть «Эпистолы к А.М. Бакунину из Павловского, июня 14, 1797»), «Три “Нет” у Николы в Воробине после смертельной моей болезни послание начерно к А.М. Б<акунину> 1801 октября 1-го» и «Графу Аполлосу Аполлосовичу М<усину>-Пушкину от меня неизменитого обычное челобитье 20 августа 1801 года, С.-Петербург» (Стихи А.М. Бакунина, написанные в подражание Н.А. Львова / Публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 33–42).

Литература

Артемова С.Ю. Послание стихотворное // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 177–178.

Виноградов А.М. Проблема нравственного идеала предромантизма в диалогическом цикле Н.А. Львова «Фортуна» // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вопросы метода и стиля. Вып. 6. Л.: Изд-во Ленинградского пед. ин-та, 1984. С. 57–67.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.

Гаспаров М.Л. Послание // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М.: Сов. энциклопедия, 1968. Стлб. 905.

Гинзбург Л.Я. О лирике. 2-е доп. изд. Л.: Сов. писатель, 1974. 409 с.

Грехнев В.А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. С. 32–48.

Давыдов Г.А. Жанр дружеского послания в поэзии М.М. Хераскова и поэтов его круга // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1997. № 1. С. 92–100.

Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с.

Западов В.А. Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г.Р. Державина // XVIII век. Сб. 16: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л.: Наука, 1989. С. 56–75.

Лазарчук Р.М. К проблеме генезиса жанра дружеского послания в русской поэзии XVIII века: тезисы // XXVI Герценовские чтения. Литературоведение: Сб. науч. докладов. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1973. С. 11–16.

Лазарчук Р.М. Послание Н.А. Львова и его роль в литературной борьбе 1790-х — 1800-х гг. // Филологический сборник. Статьи и исследования: Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1970. Т. 460. С. 29–45.

Лапто-Данилевский К.Ю. Дружеское литературное письмо: специфика, истоки // XVIII век. Сб. 27. СПб.: Наука, 2013. С. 121–153.

Лапто-Данилевский К.Ю. Литературные досуги графа А.А. Мусина-Пушкина // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н.Д. Кочетковой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. С. 194–213.

Лапто-Данилевский К.Ю. Поэт Александр Слепецкой. Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796) // Литературный факт. 2017. № 3. С. 201–214.

Ларкович Д.В. Послание в системе лирических жанров Г.Р. Державина // Г.Р. Державин и его время. Сб. науч. статей. Вып. 10 / Под ред. Н.П. Морозовой. СПб.: Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2015. С. 5–16.

Львов Н.А. Избранные сочинения / Предисл. Д.С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К.Ю. Лапто-Данилевского; перечень архитектурных работ Н.А. Львова подготовлен А.В. Татариновым. Кельн; Веймар; Вена: Бёлау; СПб.: Пушкинский Дом, РХГИ, Акрополь, 1994. 422 с.

Лютров М.Ю. Послание в русской поэзии XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М.: Наследие, 1998. С. 407–470.

Лютров М.Ю. Старинные русские послания (XVII–XVIII век). М.: Изд-во Московского культурологического лица, 2000. 156 с.

Маркин А.В. Дружеское послание 1780–1820 гг. и традиция Анакреона и Горация в русской литературе // Модификации художественных систем в историко-литературном процессе. Свердловск: УрГУ, 1990. С. 18–26.

Матяш С.А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 496 с.

Михаил Муравьев и его время: Сб. статей и материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Казань: РИЦ, 2015. 116 с.

Пастушенко Л. Становление жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века (М.Н. Муравьев, Н.М. Карамзин) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 78–86.

Стихи А.М. Бакунина, написанные в подражание Н.А. Львову / Публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 33–42.

Топоров В.Н. Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века: Исследования, материалы, публикации; М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. II. М.: Языки славянских культур, 2003. 929 с.

Janik D. Literaturesemiotik als Methode: Die Kommunikationsstruktur des Erzählwerks und der Zeichenwert literarischer Strukturen. Tübingen: G. Narr, 1985. 155 s.

Kemper D. Epistel // Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft: Neubearbeitung des Reallexikons der deutschen Literaturgeschichte. Gemeinsam mit H. Fricke, K. Grubmüller, J.-D. Müller hrsg. von K. Weimar. Bd. 1: A–G. Berlin; New York, 1997. S. 473–474.

References

Artemova S.Yu. Poslanie stikhotvornoe [Poetic epistle]. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii* [Poetics: A dictionary of relevant terms and concepts], ed. N.D. Tamarchenko. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008, pp. 177–178. (In Russ.)

Davydov G.A. Zhanr druzheskogo poslaniia v poezii M.M. Kheraskova i poetov ego kruga [The genre of friendly epistle in the poetry of M.M. Kheraskov and poets of his circle]. *Nauchnye doklady vysshei shkoły. Filologicheskie nauki*, 1997, no. 1, pp. 92–100. (In Russ.)

Gasparov M. L. Poslanie [Epistle]. *Kratkaya literaturnaya ehnciklopediya. T. 5* [Brief literary encyclopedia. Vol. 5]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1968, col. 905. (In Russ.)

Ginzburg L.Ya. *O lirike* [About lyrics], 2nd ed. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1974. 409 p. (In Russ.)

Grekhnov V.A. Druzheskoe poslanie pushkinskoi pory kak zhanr [Friendly epistle of the Pushkin era as a genre]. *Boldinskie chteniia* [Boldino proceedings]. Gorky, 1978, pp. 32–48. (In Russ.)

Janik D. *Literatursemiotik als Methode: Die Kommunikationsstruktur des Erzählwerks und der Zeichenwert literarischer Strukturen*. Tübingen, G. Narr, 1985. 155 s.

Kemper D. *Epistel. Reallexikon der deutschen Literaturwissenschaft: Neubearbeitung des Reallexikons der deutschen Literaturgeschichte*. Gemeinsam mit H. Fricke, K. Grubmüller, J.-D. Müller hrsg. von K. Weimar. Bd. 1: A–G. Berlin, New York, 1997, s. 473–474.

Lappo-Danilevskii K. Yu. Druzheskoe literaturnoe pis'mo: spetsifika, istoki [Friendly literary letter: specifics, origins]. *XVIII vek. Sb. 27* [18th century. Iss. 27]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, pp. 121–153. (In Russ.)

Lappo-Danilevskii K. Yu. Literaturnye dosugi grafa A.A. Musina-Pushkina [Count A.A. Musin-Pushkin's literary leisure]. *Dar druzhestva i muz: Sb. statei v chest' N.D. Kochetkovo* [A gift of friendship and muses: A collection of essays in honor of N.D. Kochetkova]. Moscow, St. Petersburg, Alians-Arkheo Publ., 2018, pp. 194–213. (In Russ.)

Lappo-Danilevskii K. Yu. Poet Aleksandr Slepetskoj. Literaturnaya mistifikatsiya v zhurnale “Muza” (1796) [Alexander Slepetskoj, the poet: A pseudograph in the journal “Muza” (1796)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 3, pp. 201–214. (In Russ.)

Larkovich D.V. Poslanie v sisteme liricheskikh zhanrov G.R. Derzhavina [Epistle in G.R. Derzhavin's system of lyrical genres]. *G.R. Derzhavin i ego vremia. Sb. nauch. statei. Yyp. 10* [G.R. Derzhavin and his time. A collection of scientific essays. Iss. 10], ed. N.M. Morozova. St. Petersburg, Pushkin National Museum Publ., 2015, pp. 5–16. (In Russ.)

Lazarchuk R.M. K probleme genezisa zhanra druzheskogo poslaniia v russkoi poezii XVIII veka: tezisy [On the problem of friendly epistle genesis as a genre in Russian poetry of the 18th century: theses]. *XXVI Gertsenovskie chteniya. Literaturovedenie: sb. nauch. dokladov* [XXVI Herzen proceedings. Literary studies: a collection of scientific reports]. Leningrad, Herzen State Pedagogical University Publ., 1973, pp. 11–16. (In Russ.)

Lazarchuk R.M. Poslanie N.A. L'vova i ego rol' v literaturnoi bor'be 1790-kh — 1800-kh gg. [N.A. Lvov's epistle and its role in the literary struggle of the 1790s — 1800s]. *Filologicheskii sbornik. Stat'i i issledovaniia: Uch. zap. LGPI im. A.I. Gertsena*, 1970, vol. 460, pp. 29–45. (In Russ.)

Liustrov M. Yu. Poslanie v russkoi poezii XVIII veka [Epistle in 18th-century Russian poetry]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury. Sb. 9* [Hermeneutics of Old Russian literature. Iss. 9]. Moscow, Nasledie Publ., 1998, pp. 407–470. (In Russ.)

Liustrov M. Yu. Starinnye russkie poslaniya (XVII–XVIII vek) [Old Russian epistles (17th–18th centuries)]. Moscow, Moscow Culturological Lyceum Publ., 2000. 156 p. (In Russ.)

Lvov N.A. *Izbrannye sochineniia* [Selected works], intro. D.S. Likhachev, intro., comp., ed. and comment. K. Yu. Lappo-Danilevskii, list of N.A. Lvov's architectural works by A.V. Tatarinov. Köln, Weimar, Vienna, St. Petersburg, Böhlau Verl., Pushkin House Publ., Russian Christian Institute for the Humanities Publ., Akropol' Publ., 1994. 422 p. (In Russ.)

Markin A.B. Druzheskoe poslanie 1780–1820 gg. i traditsiia Anakreona i Goratsiia v russkoi literature [Friendly epistle of 1780–1820 and the tradition of Anacreon and Horace in Russian literature]. *Modifikatsii khudozhestvennykh sistem v istoriko-literaturnom protsesse* [Modifications of artistic systems in the historical and literary process]. Sverdlovsk, Ural State University Publ., 1990, pp. 18–26. (In Russ.)

Matiash S.A. Vol'nyi iamb russkoi poezii XVIII–XIX vv.: zhanr, stil', stikh [Free iamb in Russian poetry of the 18th–19th centuries: genre, style, verse]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Faculty of Philology Publ., 2011. 496 p. (In Russ.)

Mikhail Murav'ev i ego vremia: Sbornik materialov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii [Mikhail Muravyov and his time: Proc. 5th All-Russian Sci. and Prac. Conf.]. Kazan, RITS Publ., 2015. 116 p. (In Russ.)

Pastushenko L. Stanovlenie zhanra druzheskogo poslaniia v russkoi poezii kontsa XVIII veka (M.N. Murav'ev, N.M. Karamzin) [Formation of friendly epistle as a genre in Russian poetry in the late 18th century (M.N. Muravyov, N.M. Karamzin)]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 2, pp. 78–86. (In Russ.)

Stikhi A.M. Bakunina, napisannye v podrazhanie N.A. L'vovu [A.M. Bakunin's poetic imitations of N.A. Lvov], publ. K.Yu. Lappo-Danilevskii. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1997 god* [Pushkin House Manuscript Department Annual for 1997]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2002, pp. 33–42. (In Russ.)

Toporov V.N. *Iz istorii russkoi literatury. T. II: Russkaia literatura vtoroi poloviny XVIII veka: Issledovaniia, materialy, publikatsii; M.N. Murav'ev: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie. Kn. II* [From the history of Russian literature. Vol. II: Russian literature of the 2nd half of the 18th century: Studies, materials, publications; M.N. Muravyov: An introduction to his literary heritage. Book II]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2003. 929 p. (In Russ.)

Vinogradov A.M. Problema nravstvennogo ideala predromantizma v dialogicheskom tsikle N. A. L'vova "Fortuna" [The problem of pre-romantic moral ideal in N.A. Lvov's dialogical cycle "Fortune"]. *Problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka. Voprosy metoda i stilia. Vyp. 6* [Problems of studying Russian literature of the 18th century. Issues of method and style. Iss. 6]. Leningrad, Leningrad Pedagogical Institute Publ., 1984, pp. 57–67. (In Russ.)

Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov* [Essays on the history of Russian literary language of the 17th–18th centuries], 3rd ed. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1982. 528 p. (In Russ.)

Zapadov V.A. Problema literaturnogo servilizma i diletantizma i poeticheskaiia pozitsiia G.R. Derzhavina [The problem of literary servilism and amateurism and G.R. Derzhavin's poetic standpoint]. *XVIII vek. Sb. 16: Itogi i problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka* [18th century. Iss. 16: Results and problems of studying Russian literature of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, pp. 56–75. (In Russ.)

Zhivov V.M. *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in history and prehistory of Russian culture]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. 758 p. (In Russ.)

Poetics of Nikolay Lvov's friendly epistles

© 2019, Konstantin Lappo-Danilevskii

Abstract: Nikolay Lvov (1753–1803) composed thirteen friendly epistles in the last decade of his life, but did not publish them. They were destined for a small audience — his close friends and relatives, including such poets as Gavriil Derzhavin, Vasily Kapnist, Fedor Lvov, Apollos Musin-Puskin, and Ivan Muravyev-Apostol. This friendly atmosphere determined the poetics of Lvov's epistles and made them an area of bold experimentation. The poet used various meters in his epistles (mostly free iambs and trochees; also pentons, as in folk songs), he mixed lofty lexicon with colloquial expressions and dialectisms, he created small cycles and combined “incompatible” themes. In the first group of Lvov's friendly epistles, the purest expression of friendship dominates, making them often border on the nonsensical. The second group proclaims the ideals of a nationally colored Horatianism and contains original descriptions of rural life in Russia.

The article also treats the genre of friendly epistles in 18th-century Russian poetry more broadly, its history and the role of poets like Mikhail Kheraskov, Mikhail Muravyev, Gavriil Derzhavin. Special attention is devoted to the poetics and prosody of the Russian epistolary lyric.

Keywords: Eighteenth-century Russian Literature, friendly epistles, Nikolay Lvov, Mikhail Muravyev, Gavriil Derzhavin, history of Russian verse, poetry and poetics.

Information about the author: Konstantin Lappo-Danilevskii, Doctor Hab. of Philology, senior researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. E-mail: litfact@gmail.com

Citation: Lappo-Danilevskii Konstantin. The poetics of Nikolay Lvov's friendly epistles. *Literary fact*, 2019, no. 3 (13), pp. 183–222. DOI 10.22455/2541-8297-2019-13-183-222